

Это мы — опилки.

Станислав Лем

Глава 1

ГЛУХОНЕМОЕ КОЗЛИЩЕ

— Конечная станция Пермь-вторая! — прохрипели динамики.

Электричка уже подкатывала к вокзалу, когда в вагон вошли два дюжих контролёра — один с ближнего конца, другой с дальнего, чтобы отсечь пути к бегству. Пассажиры заволновались, а небритый, помятый молодой человек, сидевший у окна, даже не оглянулся.

— Ваш билет, ваш билет, — однообразно повторяли контролёры, оборачиваясь то направо, то налево и медленно двигаясь к точке randеву посреди вагона.

За окном плыли багажные перроны, составы на запасных путях, семафоры, будки, штабеля шпал. Сверху мелькали решётчатые конструкции каких-то перекрытий. Молодой человек разглядывал всё это очень внимательно и никак не реагировал на то, что процесс разделения пассажиров на агнцев и козлиц

скоро зацепит и его. Многочисленные агнцы сидели тихо и горделиво, с затаённым достоинством, а немногие козлища, краснея, доставали кошельки платить штраф или же, поднятые с мест, скандалили, увлекаемые на расправу.

— Ваши билеты, — сказал контролёр, останавливаясь напротив отсека, где сидел безучастный молодой человек.

Две бабки, помещавшиеся напротив него, суевливо протянули свои билеты, давно уже приготовленные и влажные от вспотевших пальцев. Контролёр глянул на билетики и злобно укусил каждый из них маленькой никелированной машинкой. Девушка, сидевшая рядом с молодым человеком, не глядя подала свой билет, и контролёр с ревнивой въедливостью прокусил и его. Молодой человек по-прежнему смотрел в окно.

— Ваш билетик, молодой человек, — сказал контролёр, нервно пощёлкивая никелированными челюстями.

Молодой человек даже не оглянулся.

— Эй, парень, — переставая щёлкать, окликнул контролёр.

Обе бабки с ужасом уставились на гордого безбилетника.

— Парень, не слышишь, да? — с угрозой спросил контролёр.

Два пленных козлища за спиной контролёра злобно взирали на молодого человека, не отрывавшегося от созерцания товарных вагонов на дальнем пути. Над этими вагонами мирно покачивались ветви тополей, уже слегка тронутые желтизной.

Контролёр протянул руку и постучал своей кусательной машинкой по плечу молодого человека. Тот

быстро обернулся и непонимающим взглядом обвёл раскрывших рты бабок, свирепеющего контролёра, взволнованных козлиц.

— Билет есть? — прорычал контролёр.

Молодой человек тревожно поглядел на его губы, потом на девушку, которая вздрогнула, соприкоснувшись с ним взглядами. Затем молодой человек вытащил из карманов руки и сделал несколько быстрых, плавно переливающихся один в другой жестов перед своим лицом, коснувшись пальцем края рта и мочки уха. Ещё раз оглядев ошеломлённых зрителей, молодой человек вежливо кивнул и отвернулся обратно к окну.

— Чего он?.. — растерянно спросило одно из козлиц.

— Глухонемой, — шёпотом с уважением сказала бабка, сидевшая от глухонемого подальше.

Девушка напряглась, будто рядом с ней был не глухонемой, а вовсе покойник.

Контролёр не знал, что делать. К нему подошёл напарник, сгуртовав две кучи козлиц в одну.

— Всё? — спросил он.

— Ну, — кивнул первый. — Только вон этот глухонемой.

— И что? Без билета, что ли?

— Да как ты у него узнаешь?..

— А плюнь ты на него, — посоветовал напарник и громко распорядился: — Ну-с, господа безбилетники, пройдёте на выход.

Электричка затормозила, динамик невнятно загнусавил.

Пассажиры облегчённо зашевелились, поднимаясь с мест. В тамбуре зашипели разъезжающиеся двери. Одна из бабок ласково потрогала глухонемо-

го за колено и, странно помахав рукой, громко сказала, участливо улыбаясь:

— Приехали!..

Глухонемой кивнул и встал.

На привокзальной площади былолюдно и тесно: громоздились автобусы, толклись у ларьков очереди, возле пригородных касс клубились дачники, навязчивые таксисты бодро кричали каждому второму: «Куда ехать?», одинокий певец надтреснутым голосом уверял спешащую публику в том, что не такой уж и горький он пропойца. Утреннее небо над вокзалом поднималось хрустальной призмой — пустое и бледное, как экран только что выключенного телевизора.

Глухонемой посмотрел на вокзальные часы, зябко поёжился и пошагал к ближайшему киоску. Вытягивая шею с небритым горлом, он через чужие плечи что-то высмотрел на витрине, достал из кармана смятую купюру и протиснулся к окошку.

— Бутылку пива, и откройте сразу, — хрипло сказал он.

Глава 2

ГЕОГРАФ

Дымя сигаретой и брэнча в кармане спичечным коробком, бывший глухонемой, он же Виктор Служкин, теперь уже побритый и прилично одетый, шагал по микрорайону Новые Речники к ближайшей школе. Над ним в вышине то и дело вспыхивали окна многоэтажек, отчего казалось, что солнечный шар покрыт щербатинами мелких сколов. Из какого-то двора доносились гулкие выстрелы выбиваемого ковра.

Школа высилась посреди зелёного пустыря, охваченного по периметру забором. За спиной у неё лежала асфальтированная спортплощадка, рядом с которой торчали одиночные корабельные сосны, чудом уцелевшие при застройке нового микрорайона. Справа от входа громоздилась теплица — ржавое скелетообразное сооружение без единого стекла. Широко раскрытые окна тоскующе глядели в небо, будто школа посылала кому-то молитву об избавлении от крестных мук предстоящего учебного года. Во дворе сновали ученики: скребли газоны редкозубыми граблями, подметали асфальт, таскали в теплицу носилки с мусором. За дальним углом курили старшеклассники, в каком-то кабинете играла музыка, на крыльце орали друг на друга мелкие двоечники, которые вытаскивали сломанную парту и застряли с нею в дверях.

В свежепокрашенном вестибюле Служкин спросил у уборщицы имя-отчество директора, отыскал директорские покои на втором этаже, постучался и вошёл. Директор был высоким, грузным, лысеющим мужчиной в золотых очках. Он помещался за широким столом, а напротив него, разложив бумаги, сидела красивая полная женщина.

— Я по поводу работы, — пояснил Служкин. — Вам учителя не нужны?

— М-м?.. — удивился директор и кивнул на стул. — Присаживайтесь...

Служкин с достоинством уселся у стены. Женщина, с которой беседовал директор, оказалась обращённой к Служкину спиной, и это вызвало у неё видимое даже по спине раздражение. Однако развернуться в менее тициановский ракурс она не пожелала, а для Служкина другого места в кабинете не имелось.

— И какой предмет вы можете вести? — спросил директор.

— Ботанику, зоологию, анатомию, общую биологию, органическую химию, — не торопясь перечислил Служкин.

— Вы где-то учились? — через плечо спросила женщина.

— Биофак Уральского университета.

Спина стала ещё более недоброжелательной.

— У нас уже есть учителя по всем этим предметам.

Служкин молчал, фотогенично улыбаясь. Женщина начала нервно перебирать свои бумаги. Наконец директор засопел и раскололся:

— Географию-то у нас некому вести, Роза Борисовна...

— Почему некому? Нина Петровна уже дала своё согласие.

— Она же пенсионерка, и у неё и так уже полторы ставки.

— Но мы не можем брать человека, который не имеет педагогического образования и не знает предмета, — холодно заявила Роза Борисовна.

— Биология, природоведение, география — это почти одно и то же... — туманно заметил директор и смущённо потер нос.

— Нет, — твёрдо возразила Роза Борисовна. — Природоведение и экономическая география в девятых классах — это не одно и то же.

— Роза Борисовна, для меня не составит труда ознакомиться с этим предметом, — вкрадчиво сказал Служкин.

Красивая Роза Борисовна слегка покраснела от ярости, собрала свои листочки в идеально ровную стопку и ледяным тоном произнесла:

— Впрочем, вы директор, Антон Антонович, вам и решать.

— Я всего лишь администратор. — Директор сделал жест, в котором было что-то от реверанса, и даже дёрнул под столом коленями. — С педагогами работает завуч — то есть вы, Роза Борисовна. Я бы не хотел принимать решения, не заручившись вашей поддержкой.

Роза Борисовна снова разложила бумаги веером, а потом всё же обернулась на улыбавшегося по-прежнему Служкина.

— А вы представляете себе... э-э...

— Виктор Сергеевич, — услужливо подсказал Служкин.

Роза Борисовна мгновение помедлила, переваривая имя.

— Виктор Сергеевич, — губы её брезгливо вздрогнули, — что такое работа учителя? Вы имеете понятие о психологии подростка? Вы сможете составить себе программу и планы индивидуальной работы? Вы умеете пользоваться методическими пособиями? Вы вообще представляете себе, что такое школа?

— Вообще-то представляю, — осторожно сказал Служкин.

— Я думаю, вопрос ясен, — вклинился директор, похлопав ладонью по столу. — За два дня до первого сентября нам, Роза Борисовна, другого учителя всё равно не найти. Пишите заявление, Виктор Сергеевич. Если что, мы вам поможем. Вот бумага и ручка.

Глава 3

ЗНАКОМСТВО

В комнате на диване лежали раскрытые чемоданы. Надя доставала из них свои вещи, напяливала на плечики и вешала в шкаф. Рядом в нижнем ящике четырёхлетняя Тата раскладывала своих кукол. На письменном столе сидел большой пушистый серый кот и спокойно глядел на суету немигающими жёлтыми глазами. В проёме двери появился Служкин, вытирающий руки кухонным полотенцем.

— Надя, скоро восемь, Будкин придёт, — сказал он. — Может, на стол чего накроем?

— А я его не звала! — строптиво отозвалась Надя. — Тоже мне барин выискался — стол ему накрывай да наряжайся!.. Я ещё посмотрю, какой он. Больно он мне подозрителен...

— Просто он шпион американский. Он уже две автобусные остановки поджёт и вчера с балкона на милиционера плюнул.

— И фамилия у него дурацкая, — настаивала Надя.

— Какая рожа, такая и фамилия. А ты за него замуж собралась?

— Да я хоть за кого бы пошла, лишь бы от тебя избавиться!

Надя с досадой грохнула в шкаф плечиками. У неё было красивое надменное лицо с тёмными продолговатыми глазами и высокими славянскими скулами.

— Я думал, ты за лето отдохнёшь на даче, а ты всё такая же...

— А ты не зли меня и алкашей своих не подсовывай!

Тут в прихожей раздался звонок. Служкин взглянул на часы.

— Будкин точен, как свинья, — сказал он. — Точность — вежливость свиней, — и он пошёл открывать.

В прихожую, улыбаясь, шагнул высокий молодой человек атлетического сложения с римским носом, густыми бровями и коротко остриженными черными кудрявыми волосами. Надя и Тата вышли посмотреть на гостя.

— Знакомьтесь, — сказал Служкин. — Это Будкин, мой друг детства, а теперь ещё и наш сосед. Он в четвёртом подъезде квартиру себе купил, пока вы у бабушки гостили... Будкин, это Надя, моя жена. А это Тата, моя дочь. Это их я сегодня утром ездил на вокзал встречать... А это Пуджик, дикий зверь, его ты уже знаешь.

— Очень приятно, — протягивая Наде три розы, галантно сказал Будкин и приложился к ручке. — Много о тебе наслышан.

— Да и я... много наслышана, — мрачно ответила Надя.

Будкин присел на корточки и погладил по голове Тату, которая испуганно смотрела на него из-за маминой ноги.

— Я добрый, — сказал ей Будкин и достал шоколадку. — Держи.

— «Баунти»? — поинтересовался Служкин.

— Райское наслаждение, — подтвердил Будкин.

— Надя, а можно я всю сейчас съем? — спросила Тата.

— Половину, — распорядилась Надя. — А то зубы заболят.

— Снаружи шоколадка, а внутри кокос, — сказал Служкин. — Поначалу сладко, а потом понос.

Тата испуганно посмотрела на папу.

— Ешь-ешь, — ободрила её Надя. — Папа у нас дурачок.

— И вот ещё что я принёс, Надюша, — ласково добавил Будкин, извлекая бутылку ликёра. Надя хмыкнула, но приняла её.

— Ну проходи, — неохотно сдалась она. — Не в комнату, конечно, на кухню.

На кухне все расселись за пустым столом, и Надя открыла холодильник. На подоконник тотчас запрыгнул Пуджик, чтобы видеть, что станут есть. Он как-то мгновенно уже успел всем осточертеть: Тата об него запнулась, Служкин наступил на хвост, Надя чуть не прищемила ему голову дверцей холодильника, а Будкин едва не сел на него.

— Ты работу нашёл? — любопытствовал Будкин.

— Нашёл. Устроился учителем географии.

Будкин хехекнул с таким видом, будто сам он в этот день устроился на работу министром финансов.

— Хорош из тебя учитель будет, — саркастически заметила Надя.

— Ерунда, — отмахнулся Служкин. — В школе на меня всем плевать: хорош — не хорош, а вынь да положь. Если не найдётся желающих пред именем моим смиренно преклонить колени, я не удавлюсь.

— Ты, географ, хоть помнишь, кто открыл Северный полюс? — спросил Будкин.

— Нансен... — неуверенно сказал Служкин. — Или Амундсен. А может, Андерсен. У меня не эта география. У меня экономическая.

— Ты, когда чего-нибудь забудешь, главное — ври уверенно, — посоветовал Будкин. — Или по карте посмотри, там всё нарисовано.

— «По карте»! — хмыкнул Служкин. — Я сегодня кабинет принимал у завучихи, Угрозы Борисовны,

так у меня там четыре наглядных пособия: глобус, кусок полевого шпата, физическая карта острова Мадагаскар и портрет Лаперуза. И всё!

— Тебе хватит, — ободрил Будкин. — А если выгонят за профнепригодность — так и быть, возьму тебя к себе секретутом.

— А кем ты работаешь? — спросила Надя, резавшая колбасу.

— Форточником, — хехекнул Будкин.

— Шутки как у моего мужа — такие же идиотские.

Будкин не смутился. Служкин напомнил Наде:

— Я же тебе рассказывал — у него с отцом своя фирма при станции техобслуживания. Он там обслуживает тех за деньги. Вон под окном его гроб на колёсиках стоит.

— Этот «Запор» у меня с фирмы, — навалившись на стену, вальяжно рассказал Будкин. — Так, дрянь. Грузы возить, по грязи кататься. А для города у меня «Вольво».

— А мы и такого не имеем! — с досадой кивнула в окно Надя.

— Ха! — возмутился Служкин. — Будкин ещё в школе у пацанов мелочь в туалете вытрясал! Он ворует! А я и виноват!

— Ты лентяй, Витус, — хехекнув, объяснил Будкин. — Идеалист и неумёха. Только языком чесать и горазд.

Он взял со стола бутылку ликёра и свернул с горлышка пробку.

— Витус, а чего покрепче у тебя нет? — спросил он.

Служкин сделал страшные глаза, кивнул на Надю, которая в это время отвернулась к плите, и изобразил удар в челюсть.